

Евгений Николаевич Трубецкой

**Метафизические
предположения познания**

Опыт преодоления Канта и кантианства

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 101
ББК 87

Евгений Николаевич Трубецкой

Метафизические предположения познания: Опыт преодоления Канта и кантианства / Евгений Николаевич Трубецкой – М.: Книга по Требованию, 2011. – 338 с.

ISBN 978-5-458-05669-4

В предисловии к изданию автор определяет цель своего исследования: полемика против Канта является не целью, а средством обоснования его собственных воззрений. Необходимость подобной работы вызвана тем, что гносеология Канта является господствующей и утверждается как что-то бесспорное и окончательное. Философ стремится показать, что «Кантово солнце – познающий субъект» не есть самодовлеющий и независимый источник познания» и даже в низшей области рационального познания он заимствует свой свет от высшего над ним, центрального светила: от высших до низших ступеней познания всё озарено светом Всеединого и Безусловного сознания.

ISBN 978-5-458-05669-4

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

II

въ его истину.—Этимъ и опредѣляется моя задача по отношенію къ Канту и кантіанству.

Задача эта по отношенію къ нѣмецкому идеализму вообще была поставлена другимъ русскимъ философомъ, покойнымъ кн. С. Н. Трубецкимъ, который по этому поводу опредѣленно сказалъ, что „истинное развитіе, поступательное движеніе мысли, возможно только подъ условіемъ преемства, усвоенія добытыхъ результатовъ — иначе трудъ ея дѣйствительно былъ бы работой Пенелопы“¹⁾.

Я не во всемъ согласенъ съ гносеологическими возрѣніями покойнаго мыслителя, но трудъ мой является попыткою разрѣшенія поставленной имъ задачи, разрѣшенія частичнаго, потому что настоящее изслѣдованіе трактуетъ не о германскомъ идеализмѣ въ его цѣломъ, а только о Кантѣ и кантіанствѣ. Этимъ объясняется посвященіе, связывающее настоящую книгу съ памятью о дорогомъ отшедшемъ.

„Критика чистаго разума“ цитируется мною по нумераціи страницъ второго кантовскаго изданія.

¹⁾ Основаніе идеализма, П. С. соч., т. II, 164.

ЧАСТЬ I.

КРИТИКА ЧИСТАГО РАЗУМА И НЕОБХОДИМЫЯ
МЕТАФИЗИЧЕСКІЯ ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ ПОЗНАНІЯ.

ГЛАВА I.

Трансцендентальный методъ у Канта.

I. Впередъ отъ Канта и назадъ къ Канту.

Центральное теченіе философской мысли XIX и XX столѣтія начинается въ Кантѣ и періодически къ нему возвращается. Эти безпрестанно повторяющіяся возвращенія представляютъ собою одну изъ наиболѣе характерныхъ и вмѣстѣ парадоксальныхъ особенностей новѣйшей исторіи философіи. Съ самаго появленія „Критики чистаго разума“ философія непрестанно стремилась „впередъ отъ Канта“,—пыталась строить на положенномъ имъ основаніи. Одна за другой постройки возникали и рушились; ихъ замѣняли новыми, но при этомъ строители снова и снова *возвращались къ фундаменту, т.-е. назадъ къ Канту*,—все въ той же „Критикѣ чистаго разума“.

Такимъ образомъ, возгласъ „назадъ къ Канту“, періодически возобновляющійся, вовсе не былъ, да и въ настоящее время не является возгласомъ консервативнымъ. — Какъ разъ наоборотъ, именно онъ представляетъ собой симптомъ непрекращающагося, хотя, въ сожалѣнію, въ общемъ и неудачнаго строительства. Тѣ, кто думаетъ иначе,—впадаютъ въ жестокой самообманъ. Изреченіе—*Kant verstehen heisst über Kant hinausgehen*—вышло изъ кантіанскаго лагеря. И точно,—словно какая-то роковая необходимость заставляетъ cadaго кантіанца „выходить за предѣлы“ Канта, выходить, можетъ быть, и бессознательно, невольно—въ той самой метафизикѣ, которую отрицалъ учитель. Но въ силу той же необходимости *каждый данный* выходъ оазывается неудовлетворительнымъ. Съ одной стороны, необходимъ фундаментъ, съ другой

стороны—столь же необходимо крушеніе всего, что только на немъ построено.

Изучая исторію философіи послѣ Канта, все время испытываешь впечатлѣніе археологической прогулки среди внушительныхъ развалинъ. Читая Фихте, Шеллинга, Гегеля, удивляешься геніальности строителей и величію того, что рухнуло. Но именно величіе этихъ развалинъ періодически наводитъ панику, — тогда господствующимъ направленіемъ становится то *правовѣрное* кантіанство, которое утверждаетъ, что на Кантѣ ничего нельзя дальше строить, что его нужно только правильно истолковать и усвоить... Но „Критика чистаго разума“—не мертвая вещь, а живая мысль, которая растетъ и развивается: она заключаетъ въ себѣ множество плодотворныхъ побѣговъ, конхъ—при всемъ желаніи правовѣрныхъ кантіанцевъ—оказывается невозможнымъ изъ нея удалить. И силой необходимости изъ нея рождаются вновь давно забытые ряды мыслей, воскресають старыя метафизическія системы, точнѣе говоря, — *тѣни* прежнихъ системъ. Изъ нѣдръ кантіанства возникаютъ неофихтеанство, неогегельянство и даже что-то похожее на нешеллингианство. И на всемъ этомъ уже заранѣе лежитъ печать смерти и разрушенія. Тѣни великаго прошлаго германской метафизики исчезнуть еще быстрѣе самого прошлаго, чтобы уступить свое мѣсто другимъ, тоже исчезающимъ тѣнямъ...

И безъ конца будетъ продолжаться эта сизифова работа среди царства тѣней, если мысль не прорветъ порочнаго круга, если она не рѣшитъ неотвязчиваго вопроса,—что же приковываетъ ее, наконецъ, къ столь явно несовершенному Кантову фундаменту, — какими его свойствами обусловливается его необходимость для философіи и какими другими—роковая судьба всего на немъ построеннаго?

Въ послѣдующемъ изложеніи я попытаюсь отвѣтить на этотъ вопросъ. И такъ какъ самъ Кантъ опредѣлилъ свой основоположный для новѣйшей философіи трудъ,—„Критику чистаго разума“, какъ трактатъ о методѣ¹⁾, то задача предстоящей работы опредѣляется ближайшимъ образомъ какъ изслѣдованіе значенія и цѣнности *трансцендентальнаго метода у Канта*.

¹⁾ ХХІІ.

II. Гносеологическое и психологическое въ „Критикѣ чистаго разума“

Въ самомъ понятіи трансцендентальнаго изслѣдованія и, стало быть, „трансцендентальнаго метода“, какъ понимаетъ ихъ Кантъ, есть нѣкоторая двойственность, чреватая послѣдствіями не только для самого философа, но и для всѣхъ тѣхъ, кто строили или строятъ на положенномъ имъ основаніи.

Трансцендентальное изслѣдованіе познанія отвѣчаетъ на *вопросъ о возможности познанія*; трансцендентальный методъ отъправляется отъ факта даннаго познанія и затѣмъ выясняетъ необходимыя условія его возможности.

Но вопросъ этотъ можетъ имѣть два значенія, которые нужно самымъ тщательнымъ образомъ различать—одно теоретико-познавательное, а другое—психологическое. Что разумѣетъ Кантъ подъ „необходимыми условіями“ познанія—необходимы ли его *логическія предпосылки*, которые служатъ условіями его достовѣрности, или же *условія психологическія*, точнѣе говоря, антропологическія—то опредѣленное устройство нашихъ человѣческихъ способностей, въ силу котораго процессъ познанія совершается въ насъ психологически именно такъ, а не иначе? Необходимость логическая, очевидно, ничего общаго съ необходимостью психологическою не имѣетъ, а потому мы имѣемъ здѣсь два вопроса, всецѣло различныхъ между собою, при чемъ рѣшеніе одного изъ нихъ не только не даетъ, но и не подвигаетъ рѣшенія другого.

Допустимъ, что мы выяснили психологическія условія возможности познаванія: положимъ, мы пришли къ выводу, что то или другое понятіе для насъ психологически необходимо и что, въ силу этой психологической необходимости, оно представляетъ собою *неизбѣжное сопровождающее* познавательнаго процесса. Рѣшенъ ли этимъ гносеологическій вопросъ? Очевидно,—нѣтъ: психологически неизбѣжная мысль можетъ быть и *необходимой иллюзіей*, лишеной познавательнаго значенія. Такихъ необходимыхъ иллюзій Кантъ знаетъ много: сюда онъ относитъ, напримѣръ, цѣлый рядъ сужденій чистаго разума, основанныхъ на незаконномъ *трансцендентномъ* примѣненіи понятій разсудка. Кантъ отказываетъ всѣмъ имъ въ познавательномъ значеніи, несмотря на ихъ психологиче-

скую необходимость. Какъ бы ни было психологически необходимо то или другое понятіе или воззрѣніе, оно можетъ оказаться иллюзіей, а потому теорія познанія должна изслѣдовать вопросъ объ его объективной, логической достовѣрности и *значимости*; въ этомъ собственно и состоитъ *гносеологическій* вопросъ; никакого другого правильно понятая теорія познанія не рѣшаетъ и даже не касается.

Съ этой точки зрѣнія вопросъ—какъ возможно познаніе—есть вопросъ о логическихъ предпосылкахъ, объ условіяхъ значимости познанія, точнѣе говоря,—вопросъ о *безусловномъ основаніи его достовѣрности*.—Нѣтъ спора, что для „Критики чистаго разума“ центръ тяжести—именно въ этомъ вопросѣ, что именно въ немъ Кантъ видитъ основную задачу трансцендентальнаго изслѣдованія; въ этомъ смыслѣ онъ говоритъ: „трансцендентальнымъ (т.-е. изслѣдующимъ) возможность знанія или примѣненія его *a priori*) слѣдуетъ называть не всякое апіорное знаніе, а только то, черезъ которое мы узнаемъ, что и какимъ образомъ извѣстныя представленія (наглядныя представленія и понятія) могутъ быть примѣняемы исключительно *a priori*, и какъ это возможно“ (80). Какъ видно отсюда, трансцендентальный вопросъ для Канта—вопросъ о *возможности примѣненія* апіорныхъ представленій, т.-е. о возможности *примѣненія правотѣрнаго*. Основная задача „Критики“,—какъ извѣстно, рѣшеніе вопроса о *правѣ* ¹⁾, а не вопроса о происхожденіи апіорнаго познанія, и въ этомъ смыслѣ Кантъ ясно говоритъ въ предисловіи къ первому изданію „Критики“: „главный вопросъ во всемъ изслѣдованіи состоитъ въ томъ, что и насколько можетъ быть познано разсудкомъ и разумомъ, свободнымъ отъ всякаго опыта, а не въ томъ, какъ возможна сама способность мышленія“ (XI).

Гносеологическая задача тутъ какъ будто строго отличается отъ задачи психологической, и, гдѣмъ не менѣе, по какой-то странной непослѣдовательности, въ процессѣ самаго изслѣдованія объ эти задачи незамѣтно для самого Канта вплетаются одна въ другую, такъ что на гносеологическій вопросъ получается отвѣтъ явно психологическій по смыслу. Ставится вопросъ о безусловномъ основаніи достовѣрности или значимости апіорнаго по-

¹⁾ Предисл. къ I изд., XI—XII.

знанія, а въ отвѣтъ указуются, какъ такое основаніе, *антропологическія условія* познанія: опредѣленныя *человѣческими способностями*, въ силу которыхъ для человѣческаго познанія необходимы чистыя воззрѣнія и чистыя категоріи разсудка, — вотъ послѣднее основаніе апріорнаго знанія въ „Критикѣ чистаго разума“ Ничѣмъ инымъ кромѣ этой субъективной необходимости „для насъ“ (*für uns* — выраженіе, безпрестанно возвращающееся у Канта) — возможность апріорнаго знанія въ „Критикѣ чистаго разума“ не обосновывается: въ этомъ именно и заключается ея роковая двусмысленность. Съ одной стороны, психологическое объясненіе исключается въ вопросѣ; съ другой стороны, именно оно дается въ отвѣтъ. Искомое основаніе достовѣрности человѣческаго познанія въ качествѣ основанія безусловнаго и первоисточника *всякой значимости* въ познаніи, казалось бы, не подлежитъ дальнѣйшему и въ частности — *антропологическому* обоснованію. Безусловное основаніе возможности всякаго знанія именно потому, что оно — безусловное, должно быть *надчеловѣческимъ*. Но трагедія чистаго разума у Канта заключается именно въ этомъ полномъ несоотвѣтствіи между безусловностью, надчеловѣчностью искомаго и антропологическою обусловленностью найденнаго.

Всмотрѣвшись внимательно въ „коперниково открытіе“, мы убѣдимся, что именно въ этой подмѣнѣ безусловнаго „нашимъ“, т.-е. человѣческимъ и заключается то его свойство, въ силу котораго на немъ невозможно строить. Философская мысль ищетъ *Безусловнаго* и находитъ только антропологически обусловленное, стало быть, въ концѣ концовъ не находитъ подлинно достовѣрнаго основанія знанія: строить на такомъ основаніи — значить строить на пескѣ; въ этомъ и есть причина, почему все построенное на Кантѣ рушится.

Общій смыслъ Кантова рѣшенія вопроса о возможности апріорнаго знанія, какъ извѣстно, сводится къ тому, „что мы познаемъ а ригорі относительно вещей только то, что вложено въ нихъ *нами самими*“ (XVIII). Послѣднія, подчеркнутыя мною слова исключаютъ возможность двухъ толкованій: основа апріорнаго знанія — *антропологична*, апріорныя воззрѣнія и понятія вносятся въ познаваемые предметы *именно человѣческимъ умомъ*, и никакой другой умъ не можетъ подразумѣваться подъ „трансцендентальнымъ субъектомъ познанія“; понимать этотъ послѣдній иначе,

напримѣръ, какъ „я вообще“, какъ „сверхъиндивидуальный или чистый субъектъ познанія“ или какъ „міровую душу“, какъ это дѣлали тѣ или другіе послѣкантовскіе философы—значить выходить за предѣлы мысли Канта.

Самъ Кантъ видитъ сущность своего „коперниковскаго открытія“ именно *въ антропологическомъ обоснованіи знанія*. Открытіе „Критики чистаго разума“, что не понятія и представленія человѣка сообразуются съ предметами, а что, наоборотъ, познаваемые нами предметы сообразуются съ „нашими“ представленіями и понятіями,—вотъ что, по Канту, составляетъ переворотъ въ метафизикѣ, подобный перевороту, совершенному Коперникомъ въ астрономіи. Обоснованіе возможности апіорнаго знанія для него заключается именно въ томъ, что *человѣческій умъ является центральнымъ свѣтиломъ въ познаніи*: онъ вноситъ свой свѣтъ въ познаваемое, а не получаетъ его извнѣ отъ вещей: „если“, говоритъ Кантъ, „воззрѣніе должно сообразоваться со свойствами предметовъ, то я не вижу, какъ можно что-нибудь знать о нихъ а ріогі; наоборотъ, если предметы (какъ объекты чувствъ) согласуются со свойствами нашей способности нагляднаго воззрѣнія, то я вполне понимаю возможность апіорнаго знанія“ (XVII).

Несоотвѣтствіе этого рѣшенія съ сущностью поставленной Кантомъ задачи бросается въ глаза.—То апіорное знаніе, возможность коего требуется обосновать, опредѣляется признаками всеобщности и необходимости (3—4, 64, 851). Требуется найти именно то, что сообщаетъ этому познанію его аподиктическую достовѣрность и безусловное значеніе; иначе говоря, чтобы обосновать апіорное познаніе, требуется связать его съ чѣмъ-то безусловно достовѣрнымъ, что служитъ первоисточникомъ и основаніемъ всякой достовѣрности: очевидно, что это „нѣчто“ не можетъ быть въ свою очередь обусловлено какой-либо иной, высшей достовѣрностью, иначе не оно было бы основаніемъ достовѣрности безусловной. Искомое трансцендентальнаго изслѣдованія есть такимъ образомъ—*безусловное въ познаніи*, безусловное начало апіорнаго и вообще всякаго знанія.

А въ результатѣ изслѣдованія у Канта источникомъ достовѣрности знанія провозглашается самъ человѣческій умъ;—познаніе достовѣрно въ силу того факта, что умъ нашъ *самъ* вноситъ въ познаваемый матеріалъ свои апіорныя представленія. Спрашивается, можетъ ли этотъ фактъ въ самомъ дѣлѣ удостовѣрить

априорное знаніе: соответствует ли человѣческій умъ приписываемому ему значенію безусловнаго, не подлежащаго дальнѣйшему удостовѣренію основанія всяческой достовѣрности?

Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь именно то *психологическое* рѣшеніе, возможность и правомѣрность коего, казалось бы, столь рѣшительно исключается постановкой трансцендентальнаго вопроса у Канта. Данное устройство нашего ума, въ силу котораго необходимой формой нашего чувственнаго воспріятія являются пространство и время, а необходимой формы нашей мысли являются „чистыя понятія“ или „категоріи“ разсудка,—вотъ что служить условіемъ возможности нашихъ сужденій, облеченныхъ въ форму всеобщности и безусловности. Но гарантирована ли этимъ *досто-
вѣрность* этихъ сужденій,—обоснована ли такимъ образомъ возможность дѣйствительнаго знанія? Очевидно, нѣтъ: психологически обоснованная достовѣрность знанія тотчасъ безпощадно разрушается сомнѣніемъ, ибо, какъ уже выше было указано, психологически необходимое можетъ быть и иллюзіей. Что мнѣ ручается за то, что необходимое *для меня* знаніе, основанное *на моихъ* субъективныхъ понятіяхъ и представленіяхъ, есть нѣчто большее, чѣмъ необходимая *для меня* галлюцинація?

Извѣстно, что ученіе Канта многими и въ самомъ дѣлѣ истолковывается какъ *иллюзионизмъ*; таково, напр., толкованіе Шопенгауэра, въ которому изъ русскихъ писателей присоединяется Л. М. Лопатинъ. Толкованіе это противорѣчитъ *намыреніямъ* Канта и его *задачѣ*, такъ какъ задача эта заключается именно въ обоснованіи возможности объективнаго знанія; явленія, которыя Кантъ считаетъ единственно доступными познанію,—для него не иллюзія, а *объективная реальность*. Но, хотя самъ Кантъ и не дѣлалъ иллюзионистическихъ выводовъ и даже отрещивался отъ нихъ,—предпосылки для иллюзионизма тѣмъ не менѣе имѣются налицо въ его ученіи,—если и не въ задачѣ „Критики“, то въ способѣ разрѣшенія этой задачи. Этотъ способъ дѣлаетъ ученіе Канта, *вопреки его намыреніямъ, беззащитнымъ противъ возраженій иллюзионизма*. „Коперниково отертыіе“ не обосновываетъ возможности объективнаго и достовѣрнаго знанія даже въ тѣхъ скромныхъ предѣлахъ, какіе отводитъ знанію Кантъ,—въ примѣненіи къ явленіямъ въ пространствѣ и во времени.

Всеобщность и объективность знанія означаетъ его *обязатель-*

ность для *всѣхъ* и каждаго. Общезначимость какаго-либо положенія, все равно апіорнаго или апостеріорнаго, должна быть понимаема въ томъ смыслѣ, что данное положеніе является нормою истиннаго для *всякой* мысли: утверждаю ли я, что дважды два—четыре или что всякое явленіе имѣетъ свою необходимую причину,—я подразумеваю, что эти положенія истинны не для меня только, а для *всѣхъ* и *всѣми* должны признаваться за истинныя. Спрашивается, по какому праву я это дѣлаю? У Канта этотъ вопросъ не только остается безъ отвѣта, но даже и не ставится, и это—по той простой причинѣ, что Кантъ *безотчетно* предполагаетъ общезначимость формъ нагляднаго представленія и формъ мысли для *всѣхъ* людей. У *всѣхъ*—должны быть одинаковыя „чистыя воззрѣнія“ пространства и времени; у *всѣхъ*—тождественныя категоріи (причинности и другія). Только исходя изъ этого предположенія, я могу произносить *обязательныя* для *всѣхъ* познавательныя сужденія о томъ, что содержится въ пространствѣ и времени.

Но въ теоріи познанія не можетъ быть предположеній безотчетныхъ, и правомѣрность каждаго даннаго предположенія должна быть изслѣдована. А потому мы обязаны отвѣтить на вопросъ: откуда мнѣ извѣстно, что *мои* формы сознанія и мысли—значимы для *всѣхъ*? Тутъ-то и обнаруживается скрытый догматизмъ Кантовскаго обоснованія вопроса о возможности познанія.

„Мы знаемъ а priori о вещахъ только то, что сами мы въ нихъ владычуемъ“. Догматизмъ выражается въ самомъ словѣ „мы“ этого положенія, столь существеннаго для кантовской теоріи познанія. Какое право я имѣю говорить за *другихъ* и предполагать, что *они* владычуютъ или обязаны владыковать въ вещи тѣ же апіорныя представленія, что и я?

Замѣтимъ, что безъ этого превращенія я въ *мы* испаряется въ ничто все Кантово обоснованіе апіорнаго знанія. Если положеніе, что дважды два—четыре, имѣетъ силу для *меня только*, а другой свободенъ думать что дважды два—пять, — если основоположеніе всеобщей причинной связи явленій связываетъ меня одного,—то эти положенія—не всеобщи, не необходимы и, стало быть, лишены существенныхъ признаковъ апіорнаго знанія и даже знанія вообще. Если я не могу связывать моими сужденіями другихъ, то ничего апіорнаго вообще нѣтъ; нѣтъ и какаго бы то ни